

ВЛАДИМИР САЛИМОН

ЗА НАШЕ СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

Я родился в Москве посреди 1952 года. На Пасху. День был на редкость солнечным и теплым. Такова и первая половина моей жизни - веселая и безмятежная. Она некоторым образом отражена в стихотворениях, вошедших в мой первый сборник "Городок" (1981). Отчасти - в "Уличное братство", появившееся на свет Божий восемь лет спустя. Название третьей книги "Страстная неделя" (1989) - не случайность. Жизнь двинулась "назад". От Светлого Христова Воскресенья вспять. "Невеселое солнце" (1995) - книга безнадежная во всех отношениях. Тем не менее, она оказалась одной из лучших (по мнению Римской Академии) поэтических книг 1995 года. Я стал лауреатом премии имени Antonetta Drago (итальянский поэт) и "Giornale Dei Poeti" (итальянский журнал). В 1996 году вместе с художником Татьяной Назаренко (при посредстве "Московской студии" и петербургского издательства "Пушкинский Фонд") мы готовили два варианта - рукотворный и машинописный - нового сборника моих стихотворений, а, кроме того, я (без художника Татьяны Назаренко) продолжаю редактировать журнал "Золотой век".

Владимир Салимон

* * *

За наше счастливое детство хотя бы замолвить словцо, очнуться, умыться, одеться и начисто выбрать лицо.

Пойти. Отыскать. Откупорить. Раскупорить и зажевать. На русское высокогорье я с ужасом буду взирать.

Я стану смотреть очумело на реки, луга и леса - как тощие сосны да ели раскачиваются небеса.

Как с пустопорожнего неба на головы сыплются нам охвостки, ошметки, отребья - какой-то немыслимый хлам.

Какая-то гадость и мерзость меня под собой погребла - опивки, огрызки, обрезки, объедки с чужого стола.

* * *

Я города не узнаю. Как самого себя на снимке, где крохотный - в одном ботинке,

в девчачьем лифчике стою.

Захныкал, путаясь в соплях. Свет за окном до боли резок. Газеты вместо занавесок. Какой я все же был мозгляк.

Слюнтяй. Задрыга. Мямля. Трус. Бог весть, откуда что берется - и иноходь у иноходца, и острый глаз, и тонкий вкус.

Привычка вредная вдвойне - отождествлять себя с народом, калеку с нравственным уродом, и видеть истину в вине...

Посуды груда на плите. О если б только знать - откуда берется грязная посуда, а помыслы - о чистоте.

* * *

Сердечко не перестает отчаянно в тенетах биться. Вот-вот навеки упорхнет. Но к счастью - курица не птица.

Аэроплан - не самолет. Я замечаю это сразу, как только тень его скользнет крылом серебряным по глазу,

жизнь превратится в сущий ад. В клубах сгустившегося дыма тот, кто от века плутоват, среди нас присутствует незримо.

Он подливает мне вина. Он говорит мне - Пей до дна. Дойди до точки... До конца... Измена друга. Смерть отца.

Любимая сошла с ума. Рыдает день и ночь в подушку. Рискует угодить в психушку. А что психушка - что тюрьма.

* * *

Камня в лоб, в затылок пули ожидают, а не ждут. Я давным-давно не тут. И раздели... И разули...

Медный крест сорвали с шеи: или брали за грудки, или было не с руки.

Сердце билось чуть левее. Сердце билось чуть правее. Посреди груди моей. Им бы ножик поострей, чтоб прирезать дуралея.

Почудил. Покуролесил. Позабыл о мелочах.

Если спросят о ключах - я на гвоздик их повесил.

* * *

Герань. Гитара. Канарейка. А за окном - узкоколейка, окутанная мглой, едва заметная лазейка меж небом и землей.

О, если бы не паровозик, карабкающийся в небеса, и у меня бы слезы не навернулись на глаза.

Не прослезимся ни за что. Дождь проливной, мороз трескучий все нипочем - собьемся в кучу. На нем туалуп. На мне пальто.

Но ветра свист, но запах дыма, однообразный стук колес, на нас воздействия незримо, в миг доведут до слез.

От счастья или от обиды, что жизнь проходит стороной, заплачешь, брызжа ядовитой ликероводочной слюной.

* * *

В каменной горе... За железным тыном... Дело, между тем, пахнет керосином.

Дело его дрянь. Не намылят шею - ребра все, как есть, перечтут Кащею,

Заяц зайца - в лоб. По лбу - утку утка. Все это смешно, но немного жутко.

Толстая игла на манер сапожной. Ну а жизнь была жалкой и ничтожной.

* * *

Дорога втягивает нас в немыслимую авантюру - минута Тулу и Шатуру, на то и Влас, чтоб пучил глаз.

Федот сидел разинув рот. А Дормидонт - развесив уши. Народ, который шет и жнет, но все ж охотней бьет баклушки.

Я сам весь день смотрел в окно бессмысленно и бесполезно. Коровник. Кладбище. Гумно. Меж них разверзшаяся бездна.

Оттуда слышен шум и гам. Скрип расползающейся тверди, и кажется со страху - там безбожников пытают черти.

Их стоны мой терзают слух. О как становится мне жутко, когда под утро - вдруг петух,